

Упал закат на круп коня.
Дороги вновь манят меня.
В пыли дорожной, теплой и мягкой,
Только копыта тихо стучат.

Остался замок у мелкой речки,
Лишь конь устало звенит уздечкой.
Тихие рощи ночью укрыты.
Только копыта тихо стучат.

Моря и горы... Да, путь мой светел.
Всегда со мною колье и ветер.
Звезды уснули в гулкой Вселенной...
Только копыта тихо стучат.

Эти стихи он написал в девятом классе. Себя тогдашнего нынешний Сергей Викторович характеризует коротко и емко: это был ужас. Самым большим удовольствием в детстве было бежать до соседнего дома. Метров 70. В чешках. Ему казалось, что он не касается земли.

- Ты в детстве кем себя видел?

- Робин Гудом. Д'Артаньяном хотел быть и капитаном Сорвиголова.

- Лет в пятнадцать ты пытался представить себя тридцатилетним? И соответствуешь ли ты сегодня этим представлениям?

- Когда сажусь на коня, думаю, что соответствую. Я прекрасно себя в эти минуты чувствую - полное ощущение того, что я там, где должен быть. И что-то теплое кругами в животе. Все остальное мне странно. Скажем, наличие жены. Я не знаю, как к ней относиться в этом смысле, она не укладывается ни в какие детские представления. Зато с детьми хочется поиграть на равных.

В синем небе апельсин - это солнышко.
Облака, как корабли - книзу донышком.
Помню, в школу не пошел майским вторником
И тогда еще решил - стану дворником.
В зоосаде добрый слон, пони в коврике.
Маму помню со спины в летнем дворике.
Под извозчика попал мячик старенький.
Плачет мальчик - это я. Только маленький.

- В тебе много осталось от тебя, только маленького?

- Да все осталось. Новое что-то приходит - а это остается. И никуда из человека не уходит. Ни из кого и никогда.

- Тебя тогда легко было обидеть?

- Да. Слишком легко. Я думал, что все, что со мной сегодня происходит, - из-за того, что меня слишком легко было обидеть. Сейчас это сделать очень трудно.

- А что тебя сейчас может зацепить?

- Не скажу.

- Ты часто отвечаешь "не скажу" на вопросы интервьюеров?

- В первый раз. Я вообще стараюсь не врать в интервью. Кому? Зачем? Лучше уйти от ответа или не отвечать вовсе.

В жизни Жигунова всегда находилось место подвигу. О "подвигах" детства он распространяться не любит, считая их достоянием криминальной хроники. Свершением, достойным публикации, Сергей считает туалет, построенный им на пару с другом в Сухуми, в пансионате. Уверяет, что вещь получилась шикарная.

- Я очень люблю своего папу. Он хороший человек. В свое время он боксировал очень серьезно, и у него было 14 нокаутов с левой, хотя он "правша". Недавно я пытался выяснить, в чем дело, и он сказал, что с левой близко, а с правой далеко, открываться надо. Я боялся, - сказал папа, - и тут же нокаутировал моего кореша, который решил проверить это на деле. Его из спорта забрали мама, театральный режиссер. И до сих пор - идут 6-7 хулиганов - он спокойно идет навстречу, не боится.

Что случилось, кто ответит?

На арене в ярком свете
Рыжий клоун громко плачет,
А вокруг лошадки скакут.
Слезы тонкой струйкой льются,
Об ботинки звонко бьются...
Громко зрители кричали:
Вы не плачьте, рыжий клоун!
Вы зачем в таком печали -
Может, что случилось в доме?
И ответил барабанщик:
Этот клоун - он обманщик
И не вкладывает душу.
Этот фокус - на обмане,
И резиновая груша
У него лежит в кармане.
Было б много интересней,
Если б он рыдал всерьез.
Но тогда ему не хватит
Либо сердца, либо слез.

испытывают люди, когда узнают, что я делаю. Это самый большой кайф. Мы снимаем сейчас пятидесятисерийный телефильм по двум романам Дюма - "Королева Марго" и "Графиня де Монсоро". Когда я впервые собрал съемочную группу и сказал, что мы будем параллельно, двумя группами, снимать два романа сразу, - старые кинематографисты захохотали в голос. У второго режиссера, который уже сто лет работает - с итальянцами, с американцами, с кем только не работал, - так у него было что-то вроде нервного приступа. Все решили, что я просто сошел с ума. А теперь они работают совершенно спокойно и считают, что так и надо.

Понимаешь, этого не только у нас, а и в мире никто не делал. У меня тут были переговоры с американцами, они позвонили на нас в "Тайм телевижен", сказали: русские делают картину, 50 серий по 52 минуты - то есть для них это сто серий - на "Кодаке", сто пятьдесят с лишним персонажей, экранизация двух романов Дюма. Им ответили: пойдите проспите, этого просто нельзя сделать, а русские тем более не могут. Они говорят: мы были в павильоне, в гримерной, в костюмерной, они вот-вот включат камеру! Им отвечают: прийтите в себя, быть этого не может! Да мне многие говорили, что я этого никогда не сделаю...

- Преодолевать трудности - это кайф или осознанная необходимость?

- Раньше был кайф. Потом было предынфарктное состояние. Два года назад валерьянку капали в стаканчик. Ночью просыпался, вскакивал, кидался на стенку. Теперь это работа. Я, как к работе, к этому и отношусь. Спокойно.

В нашем кино отсутствует середина. То, что играл Янковский во "Влюблен по собственному желанию", - это была попытка поймать середину между серьезным кино и гардемаринским раздолбайством. Этот пласт можно очень серьезно делать. Я не пытаюсь это поймать, просто я думаю, что, если у нас возникнет "кинематограф середины", там будет мое место. "Три товарища" могут быть "кинематографом середины" - я обязательно их сниму и обязательно буду там играть. Это не "Макаров" и не "Сердца трех". Я думаю, что будущее именно за таким кинематографом. Это примерно то кино, что чаще всего получает "Оскара" в Америке, которое всегда будет вызывать

интерес у широкого зрителя, но от которого и критика не будет морщиться. Это - массовое кино высокого уровня.

Я твердо знаю, что мои герои нужны зрителю - что бы там ни говорили. У них есть качества, которых сейчас мучительно не хватает. Я играю хороших надежных людей, которые своих не предают. Которые способны на серьезные поступки, на серьезные нарушения, которые живут по собственному закону, исповедуют собственную правду. Порядочных и честных. В актере всегда должно быть что-то от персонажа - иначе он этого не сыграет. Поэтому я не хочу играть Гамлета. Я и артистом по большому счету себя не считаю - хотя я профессионал. Бывают единицы, Богом поцелованные в макушку, - такие, как Маковецкий, который может сыграть все, что угодно. Вот Маковецкий - артист, а я - нет. Но это значит, что рядом с ним на съемоч-

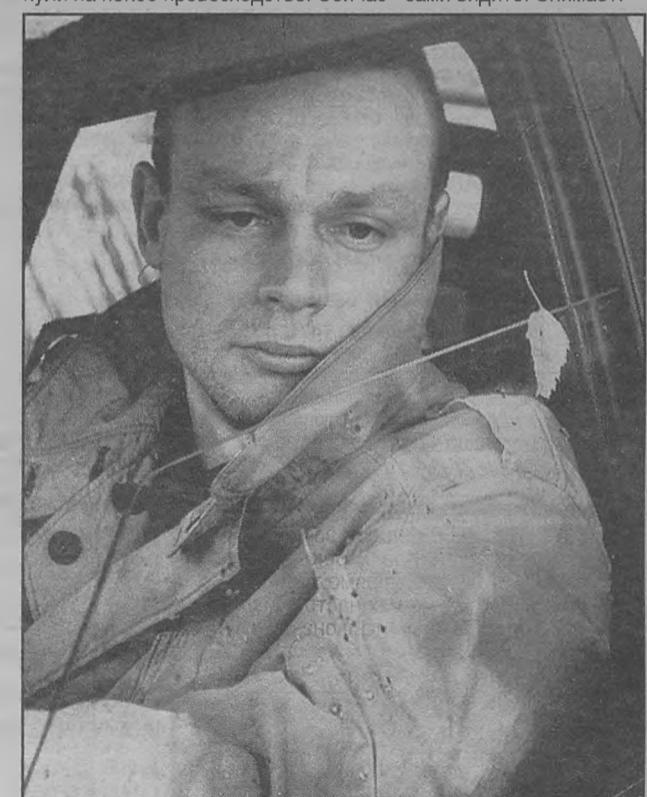

ной площадке я буду выглядеть хуже, что буду менее убедительным. Я уже очень хорошо оснащен технически и хорошо умею пользоваться тем, что у меня есть. Искренность моих чувств, которую я в состоянии донести до зрителя, которая будет его интересовать именно во мне. Точность, которая возникает в процессе внутренней работы. Все это есть. Но я не артист - я играю лишь то, что мне хочется. И насиловать себя не буду.

Я подобрал у кедра кусок коры горячей,
Коричневой ладошкой упавший на песок.
И вдруг построил лодку, корабль ненастоящий,
Найдя для мачты веточку, для снасти - волосок.
Он вышел самым смелым, с березовым листочком,
И по дождю вчерашнему в дорожной колее
Отправился за счастьем, а я взмахнул платочком.
И стало небо синим. А мне - не по себе...

...Я седеть начал в последний год. Я хорошо себя чувствую, ты знаешь. Я делом занимаюсь, и я себя за это уважаю...

У вожают его, наверное, все, кто знает, - хотя далеко не все любят. В деле он - не сахар, хотя со всеми прочими окружающими ровен и дружелюбен. В апреле он заканчивает подготовительный период и в мае начинает снимать кино, "которое снять нельзя". В детстве он ложился под поезд между рельсами - потому что говорили, что это очень страшно. Его вовремя застукали и оттащили. В юности дрался одной левой, с привязанной правой рукой - и победил. Ему, видите ли, намекнули на некое превосходство. Сейчас - сами видите. Снимает.

К мальчишеским амбициям жизнь добавила два важных - для дальнейшего успеха - свойства. Во-первых, сегодня он знает, что он делать будет, а чего не будет никогда, - это аспект моральный, так сказать, границы дозволенного (не законом опять же, а собственными представлениями о порядочности). Во-вторых, он не менее хорошо знает, что он может, а что нет - по крайней мере, не может сегодня. И выше потолка прыгать не собирается, предпочитая постепенно его поднимать. При очевидной цельности натуры он способен заниматься многими делами сразу. Многих это "разбрасывает", его - никогда. При очевидной азартности он трезв в самооценке и в оценке сопутствующих ему обстоятельств. И это - уже не просто "в нужное время в нужном месте". Это - шанс.

P.S. А все-таки интересно, как он отреагирует, если начать катить ему на мозги, что Гамлета из него никогда не получится?

Владимир МАРТЫНОВ

Фото Игоря Гневашева и Сергея Плевако